

Право на труд

В нашей золотой книге — Стальной Конституции — записано:

«Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы».

Еще, кроме нас, сможет похвастаться таким правом? И когда задумашься над всем этим, начинаешь по-настоящему понимать, где взялись у нас силы, чтобы выстоять в такой войне, какая была война с Германией, Японией и всеми их пособниками.

Вот уже около трёх десятков лет я тружусь. Иногда закрою глаза, и в памяти, как в кино, пролегают кафы жизни рядового советского человека. Вот я одиннадцатилетним мальчишкой батрачу. Потом работа в первом на Украине совхозе — в 1922 году. Белинская школа батрацкой молодёжи. Здесь-то я многое понял. И, наконец, сбывается моя давняя мечта — попасть на завод. Сперва на завод им. Энгельса, потом — в 1931 году посланы на Харьковский тракторный завод.

Трудно о ХТЗ сказать простыми словами. В нём, как в зеркале, видишь, что могут сделать люди, когда трух в почеёте, когда труженику ценят в стране, как лучшего человека.

Помни как-то один рабочий, проходя контрольную, остановился перед громадной витриной и застыл, как окаменелый. Перед ним был его собственный большой портрет. Прогудел предсказанный гудок, а он всё стоял. Увидев меня, он не выдержал. Глаза его стали влажными. Он многое хотел сказать, но вырвались только отдельные фразы из слов:

— Ну, скажи, Вася! А? Как живой! Что я такого сделал, чтоб меня — напоказ... перед всем людьми...

Кто знает, что творилось в это время в душе этого рабочего. Но думается, что он во всю ширь и глубину понял, почему у нас труд дело чести, доблести и геройства.

Мы собирались на Октябрьскую демонстрацию. Молодёжь, известное дело, поёт, пляшет, веселится. А старички тоже своей семьёй стоят и сожалению беседуют. Вспоминают давние годы, пылающий Сталинград, дальневосточный войн бомб, рождение гиганта завода в далёкой Сибири. Что они пережили! И вот они стоят торжествующими, ликующими, говорят об этих труднейших годах ушедших в прошлое.

Люди, советские люди. Неутомимые труженики. Они и сейчас ещё предполагают величие отечественных производственных гвардейцев, а бригады — фронтовых. Откуда эта энергия? Откуда это горячее желание? Откуда готовность ещё сильнее наращивать силы? И опять одно обяснение: свободный труд, плоды которого видят каждый рядовой человек, плоды которого ощущает каждый.

Надо ко мне пришёл один молодой рабочий и спросил, где взять работы для людей, возвращающихся с войны? Вот в других странах ужестик тысяч безработных, хватят ли для всех дела у нас.

Ба мастер обращается и с такими вопросами. Я показал пареньку наш цех. «Вот видишь, теперь надо будет делать другие вещи, нужные в домашнем обиходе наших людей. Очень много надо будет. И вряд ли в первые годы хватят рабочих рук. Ведь нашим заводом руководит директор — народный представитель, а не хозяин-собственник. У хозяина — одни интересы, он делает то, что приносит выгоду, прибыль, а завод — наш, государственный, ты будешь для себя же, и чем больше рабочих будут трудиться, тем лучше будет для всех». Народёк, который родился в начале первой сталинской пятилетки, конечно, не знает мрака капиталистического строя. Ему исполнительно выражение «хозяин завода». Но, окунув властным взором свой родной цех, он скротоворкой выныпал:

— Фу ты, какой же я глупый вопрос задал. Конечно, у нас не может быть безработных. Ведь мы для себя трудимся, всё же это наше и мое тоже. И тут он вспомнил слова любимой песни:

Человек проходит как хозяин

Необитой родиной своей.

Труд. Он даёт смысл жизни. Без него мы себе не представляем ни личного счастья, ни счастья Родины. И сегодня, в День Стальной Конституции, хочется от всего сердца благодарить того, кто создал наше великое государство, в котором трудающимся рождаются плоды своей работы. Хочется на всю страну сказать:

— Всенародная благодарность тебе, великий труженик — наш родной Сталин!

Орденоносец В. СОБКО,
старший мастер участка ордена Ленина завода, где заместителем председателя завкома профсоюза тов. Власьев.

Партруг швейной фабрики (инициатор) гор. Барнаула Ахтулова Е. Д. со стахановцами фабрики за изучением Стальной Конституции.

НА СНИМКЕ (слева направо): АХТУЛОВА, ПОДГАИНОВА, ПОЛЮТОВА, СМИРНОВА, ЛОШАКОВА.

Фото Н. Калинина.

Счастливое материнство

Первенцу идёт 22-й год. Как она и хотела, это сын. Она родила его в светлый день. Мать хорошо помнит, как в подъезд играли яркие солнечные лучи в стеклах окон. «Сын! Сын!» — шептала мама. Она давние дружки. Мой, как уходить, сказал: «Дома вместе и на войну вместе пойдём».

Несмотря на многое времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасима Гавриловича и Ксении Филипповны Суздальцы своего первого ребёнка, стало уже одиннадцать братьев и сестёр. Ксения Филипповна с гордостью говорит о своих детях, которых она любовно выращивает. Материнство не состоит сплошь из радостей и блаженства. Бывают тяжёлые дни тревог и лихорадочные часы беспокойства, особенно, когда кто-либо из детей заболевает. В это время более и материнское сердце.

С тех пор прошло много времени. У Петра, как называли Герасим

ЗОЛОТАЯ КНИГА

(Сказ.).

Не за тридевять земель и не в ханском царстве, а в нашем советском государстве жили бы колхозники Никита. Вырастил он сыновей — четырех бородатых. Старший сын Иван колхозным бригадиром был. Второй сын Степан — на агронома выучился. Третий сын Николай — трактористом стал. А четвертый, — самый младший сын Семен — инженером стать готовился. Жили они дружно и справно. Только живой воды в доме не было.

И вот на советскую землю напали мерные банды гитлеровские. Заполонили они Украину и Белоруссию, Литву и Латвию и на Москву, столицу нашу родную, двинулись.

Призвал Никита сыновей своих. Преступники они перед всеми высокие, да плачущие, один другого краше. Расправили Никита усы свои седые и такую речь повели:

— Сегодня же на фронт щедет фашистов прелестных с земли русской прогонять. А на прощанье поговорить нам надо. Я уже стар, а военные дороги длинны, может быть и не увидимся больше. Нора я наследство неговорить.

Наставлялись тут сыновья, друг на друга с недоумением посмотрят.

— Да, наследство, — сказали старик таким тоном, что сыновья поняли — шутки в сторону. А Никита предложил:

— Истари уж так повеселись — кто производит потомство на свет, тот о наследстве должен думать. Проживая я в молодости в батраках у кулака Антина Шадрина. Всё село завидовало его богатству. Дом у него был двухэтажный, крестьянский, цельные табуны коров и лошадей, молотильки и жатки, а земли имел — глазом не окинешь. Но такой он скрыта был, что конек не давал жить в первом из них. И в сказке ему однажды: «Одной ногой уже в могиле стояни, а все жадничашь». Он ответил мне: «Сын есть у меня и внучата. Для них стараюсь. Умру — добром поминать будут».

Закурил тут Никита трубку свою и снова говорить начал:

— Мой папаша был сапожником, ни кола, ни двери не имел, а тоже думал о наследстве для нас, детях своих. Хотел он построить нам по хорошему дому, да по паре лошадей купить. День и ночь горбился он из своего ремеслом стule. Но так и умер от чахотки в бедности крайней. В наследство нам осталась нескользкое сапожников колодок, пара пиньев, да дратвы моток. Старшему брату моему Степану это пригодилось — он тоже сапожником стал. А я батрачком пошел к кулакам. Ох, и хлебнул горюшка! Питался квасом да водой. Женился, дети поплыли — еще труднее жить стало.

— Когда началась война германская, меня на фронт взяли. Воевал в Карпатах. И подружились я там в опочках с одним солдатом, Иваном Прохоровым звали. Хороший был человек, из рабочих. Когда застала перестрелка, мы с ним часами разговоры вели. Обо всем переговорили: в войне, о пужде музикой, о семье, о детях... И вот он научил меня по-новому думать о себе, о потомстве и о наследстве.

— Группа революции. Я вступила в Красную Гвардию. Три года воевала. И всё в наследство думала.

— Потом началась мирная жизнь. Потом колхозы появились. И первый в селе в колхоз записался, помните? И вот все эти годы работали, сколько сил хватало.

Работал и радовался, глядя, как поднимается страна наша, как расцветает колхоз наш.

Опять закурил Никита трубку и сказал:

— Ну, а теперь к делу ближе. Мы, значит, имеем корову, два велосипеда, телефон, хату новую, ружье двухствольное, радиоприемник, часы, мебель, посуду, две тысячи пятъ... Вот мне бы это богоугодство, когда я женился, — эх, и жили бы!

Задумался Никита, прошёлся по комната, а потом спросил сыновей своих:

— Ну, кому что завещать?

Снова переглянулись братья.

— Ну, — торопил старик.

Слово взял старший сын Иван.

— Мне ничего не надо, — сказал он.

— Мне тоже, — промолвил Степан.

— И мне тоже ничего не надо, — заявил Николай.

— А тебе? — спросил старик Семёна.

— Не надо, — отозвался младший сын.

— Да, что это такое! — воскликнул, будто озадаченный, Никита. — Им добра хочется, а они отказываются. А помните у графа Льва Николаевича Толстого книга есть такая: «Война и мир» называется? А в книге этой описана сцена: когда разумеет граф Безухов, так родные-то похоронить его не успели, а уже скандал из-за наследства затянулся. А тут добром предлагается, и отказываются. Да мы бы раньше умелись за таком богоугодством обиженными. А что это?

Умолк Никита и этакими хитрыми глазами посмотрел на сыновей. И снова взял слово старший сын Иван.

— Если мы умрём в бою, — сказал он, — то ничего уж на свете не найдёт нас. А живы остаемся — находим. Руки крепкие у нас, на плечах головы, а не кочаны капустные.

— Правильно, — в один голос подтвердили остальные сыновья.

Оживился тут Никита, радостный стал, едобрительно по плечу похлопал Ивана.

— Так я и думал, — промолвил он. Знал, что вы это скажете. Время настало в нашей стране — кто хочет трудиться, тот не тревожится за свой завтрашний день, тот знает, что на жизнь себе всегда заработает. И не об этом наследстве я хотел речь вести — в часах велосипедах, а вот о чём...

Достал Никита из ящики книжечку небольшую. Хранил он ее на самом дне, как самое дорогое сокровище. На красном переплете той книги золотыми буквами написано: «Бенгтигтия (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик».

— Сталкивался я с этой книжечкой саложных колодок, пары пиньев, да дратвы моток. Старшему брату моему Степану это пригодилось — он тоже сапожником стал. А я батрачком пошел к кулакам. Ох, и хлебнул горюшка! Питался квасом да водой. Женился, дети поплыли — еще труднее жить стало.

— Когда началась война германская, меня на фронт взяли. Воевал в Карпатах. И подружились я там в опочках с одним солдатом, Иваном Прохоровым звали. Хороший был человек, из рабочих. Когда застала перестрелка, мы с ним часами разговоры вели. Обо всем переговорили: в войне, о пужде музикой, о семье, о детях... И вот он научил меня по-новому думать о себе, о потомстве и о наследстве.

— Группа революции. Я вступила в Красную Гвардию. Три года воевала. И всё в наследство думала.

— Потом началась мирная жизнь. Потом колхозы появились. И первый в селе в колхоз записался, помните? И вот все эти годы работали, сколько сил хватало.

Записал А. ТРЕСКОВ.

Марк ЮДАЛЕВИЧ.

Написал ту книгу Сталин

(Ойротская легенда)

Эта сказка золотая!
Родилась в горах Алтая,
От аила до аила
Много лет она ходила,
Мне на озеро Чемале
Эту сказку рассказали.

Он бежал из Барнаула,
Сиркылся он от караула,
Он из арестантской роты —
Это знали все юрты,
Обманул он царских слуг
И пустил крамольный слух.
Он твердил, не умолкая,
Будто книга есть такая,
Где заложены в слова
Все народные права —

Всё, что есть, что видит зрячий —

Табуны коней горячих,
Горы, травы, птицы стая,
Соболи и горностаи,
И кусты лесной боярки,
Те, что так свежи и ярки,
И кусты лесной рябины,
Что сверкают, как рубины.
Вот, когда прогоним баев

Будет счастье на Алтее,
Вот, когда прогоним баев,
Книга сияет такая,

След утерян незамятый.

Слух прошёл: его поймали,
Слух прошёл, что нет... еда ли,
Слух прошёл: его убили,
И другие слухи были;

Были, только обманули,
Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,
Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,
Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;

Были, только обманули,

Он явился в Барнаул.

Говорят: — Я стал умнее,

Правду я найти сумею,

Книги зринал по свету,

Книги этой вовсе нету,

В голубых горах Алтая
Сиюко ся законом стала!

Слух прошёл: его поймали,

Слух прошёл, что нет... еда ли,

Слух прошёл: его убили,

И другие слухи были;